ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОВГОРОДСКАЯ ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕТОПИСЬ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 ГОДА

В составе IV тома Полного собрания русских летописей переиздается Новгородская четвертая летопись, наиболее полная и совершенная по исполнению среди летописных памятников эпохи независимости Великого Новгорода. Краткие сведения о списках этой летописи, а также об основных проблемах, связанных с ее текстологическим изучением, можно обнаружить в недавней статье автора этих строк[1]. Здесь же следует несколько более подробно остановиться на характеристике именно воспроизводимого издания.

Впервые Новгородская четвертая летопись была издана Императорской Археографической комиссией еще в 1848 г. (в серии «Полное собрание русских летописей»). Это было время, когда печатание летописей стало производиться в соответствии с общим планом, хотя, как вскоре выяснилось, далеко не совершенным. Первоначально план издания летописей был разработан Н. Г. Устряловым – предлагалось публиковать памятники «в виде одного полного собрания, разделенного на 5 главных отделений: первое будет содержать летопись Нестора с вариантами из всех списков; второе отдельные летописи; третье летописные сборники; четвертое степенные книги; пятое хронографы»[2]. По распоряжению правительства к концу 1830-х гг. в Археографическую комиссию были доставлены все известные к тому времени 168 списков древнерусских летописей, и работа над подготовкой к изданию Полного собрания русских летописей была начата[3].

Я. И. Бередников, назначенный главным редактором летописей, определил последовательность изданий: в первую очередь, согласно его проекту, следовало опубликовать древнейшие памятники, в том числе, по терминологии Я. И. Бередникова, «четыре Новгородских летописи»[4]. От мысли Н. Г. Устрялова издать Летопись Нестора (Повесть временных лет) отдельно с вариантами по всем известным спискам Я. И. Бередникову пришлось отказаться, так как тексты слишком разнились между собой. Издатели первых томов ПСРЛ, как уже отмечалось историками науки, находились под влиянием научных идей А.-Л. Шлецера и основывали на них археографическую подготовку летописных текстов. Так, например, Я. И. Бередников, издавая Новгородские летописи, изъял из их состава «Повесть временных лет», ибо «считал последнюю пригодной лишь для подведения вариантов к Повести же в более древней Лаврентьевской летописи (тем самым он исходил из мысли Шлецера о возможности восстановления „очищенного" текста Несторовой летописи путем подведения вариантов из более поздних списков к древнейшему из списков – Лаврентьевскому)»[5]. Вообще Летопись Нестора решено было печатать только в составе упомянутых выше памятников, отражающих, по мнению Я. И. Бередникова, три редакции (древнюю, среднюю и новую),

прочие же летописи, содержавшие в своей начальной части «Повесть временных лет», решено было публиковать без нее. В результате все первые публикации в серии «Полное собрание русских летописей» не приводили целостного текста летописей, так как фрагменты (и не только «Повесть временных лет»), параллельные ранее опубликованным в предыдущих томах, вновь не воспроизводились, а лишь обозначались отсылками. Возможно, в следовании этому принципу Я. И. Бередников и находился, действительно, под некоторым влиянием концепций А.-Л. Шлецера, но использование им принципа так называемого «единообразного правописания» решительно противоречит сформулированным А.-Л. Шлецером еще в предисловии к изданию 1767 г. правилам передачи текста летописей[6]. Обосновывая свой отказ от передачи текста рукописей «буква в букву», Я. И. Бередников ссылался на практику современной ему западноевропейской археографии[7].

Опубликованный в 1848 г. четвертый том ПСРЛ — «Новгородские и Псковские летописи»[8] — содержит следующие летописи и предисловия к ним: Н4, Псковскую I летопись, а также отдельно — прибавления, выделенные из Н4: Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, Сказание о Царьграде дьяка Александра, Повесть о преставлении князя Михаила Александровича Тверского. Н4 была опубликована по 5 спискам (с. 1—165 указанного издания). За основной был принят Строевский список (РНБ, собр. Погодина, № 2035), а варианты были приведены по спискам: Академическому (БАН, 16.3.2 (Осн. 22)), Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), Публичной библиотеки (РНБ, ОСРК, F.IV.235) и Хронографическому (ГИМ, Синодальное собр., № 280). Издатель также привел таблицы с образцами почерков писцов.

Таким образом, издание Новгородской четвертой летописи 1848 г. характеризуется неполнотой и несовершенством правил передачи древнерусского текста. Оно было неудобным для использования.

Принципиально новый этап не только в изучении, но и в публикации русских летописей связан с именем академика А. А. Шахматова[9]. Как отмечал С. Н. Валк, «если предшествующее направление видело в том, что оно считало „летописным сводом", лишь механическое соединение разнородных источников..., то А. А. Шахматов впервые развил взгляд на летописный свод как на целостное историко-литературное произведение...»[10]. Объединение при издании списков различных летописных сводов теперь, в свете новых представлений об истории древнерусского летописания, стало совершенно недопустимым, и любое издание летописей должно предваряться текстологическим исследованием.

В статье С. В. Чиркова было убедительно показано, что А. А. Шахматов, возглавивший редакционное совещание Археографической комиссии по изданию летописей и литературных памятников, принимал участие практически во всех издательских проектах[11], причем исследователь полагал, что необходимо продолжать издание летописей именно в составе серии ПСРЛ: «Уже в одном только названии <...> заключа-

ется целая программа»[12]. А. А. Шахматовым был выдвинут принципиально новый подход к делу публикации летописей: «всякому изданию должна была предшествовать тщательная работа по изучению состава подлежащих изданию рукописей с точки зрения их места в общей истории летописания»[13]. Недостатки прежних изданий и появление новых издательских принципов привели к необходимости подготовки в серии ПСРЛ новых, более совершенных изданий, в том числе и Новгородской четвертой летописи.

Всего в серии ПСРЛ с самого момента ее основания и до конца 20-х гг. нашего века было опубликовано 24 тома, причем 14 из них изданы впервые либо переизданы при активном участии А. А. Шахматова. В этой связи вызывает недоумение замечание Я. С. Лурье, что «принципы А. А. Шахматова были в общем весьма чужды Археографической комиссии, публиковавшей ПСРЛ»[14]. Мнение Я. С. Лурье, что А. А. Шахматов принимал участие только в издании Симеоновской и Ермолинской летописей, а в целом Археографическая комиссия «не занималась предварительным исследованием издаваемых памятников», следует признать безосновательным[15].

В IV томе (2-е изд.) серии «Полное собрание русских летописей» была опубликована Н4 (в трех выпусках)[16]. В предисловии к I выпуску даны характеристика первого издания Н4 и описание списков, использованных при втором издании. В предисловии ко II выпуску перечислены рукописи, использованные при издании этого выпуска. В предисловии к III выпуску – описание списков, использованных при подготовке текстов II и III выпусков и не описанных в I выпуске.

В отличие от первого издания, где из текста были выпущены места, встречающиеся в других летописных сводах, в этом издании текст Новгородской четвертой летописи опубликован полностью. За основной текст, как и в первом издании, был взят Строевский список (РНБ, собр. Погодина, № 2035). Разночтения подведены уже не по четырем, как в первом издании, а по следующим восьми спискам: Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 152/46), Публичной библиотеки/Фроловскому (РНБ, ОСРК, F.IV.235), Академическому (БАН, 16.3.2 (Осн. 22)), Толстовскому (РНБ, ОСРК, Q.IV.138), Голицынскому (РНБ, ОСРК, Q.XVII.62), Новороссийскому (БАН, Тек. пост. 1107), Архивскому (РГАДА, собр. МГАМИД, № 20/25) и списку Дубровского (РНБ, ОСРК, F.IV.238). Четыре последних списка в первом издании Н4 использованы не были. Вслед за текстом Н4 в этом издании следуют варианты окончания летописи по спискам Строевскому, Новороссийскому, Голицынскому, Академическому и Дубровского, а также приведены варианты по списку Дубровского.

Кроме того, полностью был опубликован сокращенный Новгородский летописец по списку Н. К. Никольского и приложения: «А се имена всим градом Рускымь далним и ближнимь», «А се Рустии митрополити», «А се Новъгородцкии епископи», «А се посадници Новгородстии», «А се тысяцькии Новгородцкыи», «Архимандриты Новгородстии», «Поучение Петра митрополита всея Руси кьнязю Дмитрею...», «Никифора патриарьха Царяграда летописець въскоре».

В настоящем томе издание 1915—1929 г. воспроизведено полностью, включая приложения и указатели.

Александр Бобров,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы РАН
(Пушкинский Дом)
21 июня 2000 г.

Примечания

[1] *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 107—136.

[2] *Устрялов Н. Г.* Предположение об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографическою комиссиею // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 13, № 2, отд. 3. С. 348.

[3] Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1 (1835—1840 гг.). С. 475—476.

[4] *Бередников Я. И.* Предисловие к Полному собранию русских летописей // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентиевская и Троицкая летописи. С. 5 (паг. 1-я).

[5] *Буганов В. И.* Об издании русских летописей // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 18.

[6] Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук. СПб.: При имп. Академии наук, 1767. Ч. 1: До 1094 года. С. [1—18]. Об этом предисловии и о его значении для последующих издателей см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1965. Ч. 2. С. 239—240.

[7] *Бередников Я. И.* Предисловие к Полному собранию русских летописей... С. 1, 7 (паг. 1-я).

[8] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 4. — 8 с., 2 табл., 362 с.

[9] См.: *Лихачев Д. С.* 1) Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1946. Т. 5, вып. 5. С. 418—428; 2) Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864—1920: Сб. ст. и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 253—293; *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 87—107.

[10] *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 134.

[11] *Чирков С. В.* Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 24—37.

[12] *Шахматов А. А.* [Записка об Ипатьевской летописи] // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13, Отд. 1. С. 33—34.

[13] *Чирков С. В.* Вопросы публикации летописей... С. 34.

[14] *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. [Вып.] 1. С. 7.

[15] Подробнее об издании летописей в начале XX в. см.: *Брачев В. С.* Петербургская Археографическая комиссия (1834—1929). СПб., 1997. С. 104—132. Между прочим, В. С. Брачев, являющийся

сторонником лингвистических изданий летописных памятников, полагает, как и Я. С. Лурье, что А. А. Шахматов не смог добиться реализации своих взглядов на публикацию летописей, однако, по его мнению, не Симеоновская и Ермолинская летописи, а «изданные Археографической комиссией в 1907–1908 гг. Ипатьевская и Западнорусские летописи являются <...> единственными из летописных текстов, в подготовке которых А. А. Шахматов принимал непосредственное участие и которые отразили его взгляды на их издание» (Там же. С. 130).

[16] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. – 9, 320 с.; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. – 1 ненум., С. 321–536; ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. – 4, С. 537–687.

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2000 ГОДА

Издаваемая в настоящем томе Новгородская четвертая летопись представляет большую ценность как для характеристики древнейшего новгородского летописания, так и для восстановления центрального памятника общерусского летописания XV в., лежащего в основе Новгородской четвертой и Софийской первой летописей[1]. Вывод о существовании у Новгородской четвертой и Софийской первой летописей общего оригинала принадлежит А. А. Шахматову[2]. Хотя сходный текст обеих летописей доходит лишь до 1418 г., А. А. Шахматов определил их общий источник как «Свод 1448 г.», исходя из предложенной им трактовки хронологического расчета под 1380 г. о днях совпадения Благовещения и Пасхи[3]. Ученый предположил, что «Свод 1448 г.» был составлен в Новгороде, а общерусский характер свода объяснял существованием митрополичьего летописного предшественника — Владимирского полихрона 1423 г. Таков был первоначальный вариант реконструкции истории общерусского летописания в первой половине XV в.

Новые данные, однако, привели к пересмотру всей схемы. Уже в 1911 г. А. А. Марков в письме к А. А. Шахматову указал на ошибочность гипотезы о «Своде 1448 г.», поэтому А. А. Шахматов предпочел называть его Новгородско-Софийским сводом и датировал 30-ми годами XV в. (исходя из окончания старшей редакции Новгородской четвертой летописи на 1437 г.)[4].

На следующем этапе была отвергнута гипотеза о Полихроне 1423 г. А. А. Шахматов находил отражение этого памятника в Ермолинской летописи и Русском хронографе. Но в недавних исследованиях было доказано, что Ермолинская летопись восходит к протографу второй половины XV в.[5], а в основание Хронографа был положен Сокращенный свод конца XV в.[6] Таким образом, отпадает необходимость признания этапа общерусского летописания (в виде Полихрона 1423 г.) между временем создания Троицкой летописи и Новгородско-Софийским сводом[7].

Концепция о времени составления протографа Софийской первой и Новгородской четвертой летописей (Новгородско-Софийского свода, по А. А. Шахматову) также претерпела изменения. А. Г. Бобров предлагает датировать памятник 1418 г. и связывает его происхождение с деятельностью митрополита Фотия[8]. Правильное в своей основе предположение, однако, не было подкреплено доказательствами (разобранные автором аргументы идеологического порядка, естественно, не имеют точного хронологического приурочения). Более того, исследователь не сумел преодолеть те видимые противоречия, которые возникают при сравнении предложенной датировки с результатами других авторов. Так, если считать, что митрополичий свод составлен в 1418 г., то его яркая антилитовская направленность никак не согласуется с текстами велико-

княжеских духовных 1417—1423 гг., объявляющих литовского князя Витовта гарантом их исполнения (кстати, духовные были подписаны митрополитом Фотием)[9]. Другое возражение выдвинуто М. А. Салминой: упомянутый среди убитых в Летописной повести о Куликовской битве князь Федор Тарусский на самом деле пал в бою под Белевым в 1437 г. — следовательно, рассказ Софийской первой и Новгородской четвертой летописей о Куликовском сражении составлен после 1437 г.[10]

Чтобы объяснить возникшие противоречия, необходимо принципиально определиться с датировкой свода, лежащего в основе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей. Ключ к этой проблеме, как ни странно, лежит в анализе русских статей Еллинского летописца 2-го вида. Еще в работе, опубликованной в 1972 г., мной было показано, что русские статьи Еллинского летописца (о походах киевских князей на Царьград, повесть о взятии Константинополя в 1204 г.) написаны с привлечением тех источников (Троицкая летопись, Новгородская I летопись, Хронограф по великому изложению) и в том же самом сочетании, что и в Новгородско-Софийском своде[11]. Можно, таким образом, констатировать, что проводилась параллельная работа, с привлечением одних и тех же источников, над двумя памятниками: всемирно-исторической компиляцией (Еллинским летописцем 2-го вида) и русским летописным сводом (протографом Новгородско-Софийских летописей). Еллинский летописец 2-го вида я датировал 1391—1425 гг.[12], а создание Новгородско-Софийского свода, основываясь на мнении А. А. Шахматова, относил тогда к 30-м годам XV в. Поскольку датировка А. А. Шахматова не имеет точных хронологических привязок (он ориентировался только на окончание старшей редакции Новгородской четвертой летописи), я не вижу оснований отрывать друг от друга указанные два памятника. Можно сказать, что всемирно-исторический свод и русская летопись взаимно дополняли друг друга, основаны на одних и тех же источниках и связаны единым замыслом. Таким образом, создание Еллинского летописца 2-го вида и протографа Новгородско-Софийских летописей следует относить к одному времени. Поскольку в обоих памятниках использована Троицкая летопись (которую я датирую 1412—1414 гг.[13]), составление Еллинского летописца 2-го вида и общерусского митрополичьего свода укладывается в период 1412—1425 гг. Однако если вспомнить, что общий текст Софийской первой и Новгородской четвертой летописей был доведен до 1418 г., то для летописного свода митрополита Фотия можно предложить и более точную датировку: 1418—1425 гг. (следует отметить, что создание Хронографического свода несколько предшествовало составлению общерусской летописи, поскольку в последней использованы уже дополнительные источники).

Осталось разобрать, действительно ли противоречат указанные выше аргументы выведенной датировке митрополичьего свода 1418—1425 гг.

Если следовать существующей хронологии духовных Василия I с упоминанием великого князя Витовта в качестве гаранта, то антилитовская направленность митрополичьего свода не получает разумного объяснения. Однако недавнее исследование духовных Василия Дмитриевича показало, что древнейшая грамота с упоминанием

Витовта на самом деле датируется 1423 г.[14] Таким образом, составление митрополичьего летописного свода с его антилитовской идеологией следует относить ко времени **до** 1423 г. Недовольство митрополичьего двора было вызвано разделением единой митрополии и поставлением в 1415 г. по воли Витовта в ее западной части митрополита Григория Цамблака. Лишь после смерти в 1419 г. Григория Цамблака русско-литовские отношения стали нормализоваться, Фотий был признан главой всей Русской митрополии и уже в 1420 г. поехал в Литву к Витовту[15]. Таким образом, появляется возможность более точной датировки летописного свода митрополита Фотия: 1418–1419 гг.

Датировка 1418–1419 гг. в отношении Свода митрополита Фотия подтверждается и другим способом. Дело в том, что для этого свода Епифаний Премудрый написал целый ряд повестей (читающихся теперь в составе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей): Повесть о Куликовской битве, Повесть о нашествии Тохтамыша, Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, рассказ о сражении на Ворскле, Слово о житии и преставлении тверского князя Михаила Александровича, поучение по поводу знамения 1402 г., рассказ о кончине митрополита Киприана[16]. Учитывая, что скончался Епифаний в 1419 г.[17], приходим к выводу, что работа над Сводом Фотия производилась в 1418–1419 гг. (напомним, что до 1418 г. доходил общий текст Софийской первой и Новгородской четвертой летописей)[18].

В такой ситуации предположение М. А. Салминой, что упомянутый среди убитых в Куликовской битве князь Федор Тарусский может быть отождествлен с погибшим в 1437 г. при Белеве одноименным князем, едва ли справедливо. Во-первых, имя Федора Тарусского в рассказе о Белевском сражении появляется в источниках относительно поздно — впервые лишь в Московском своде 1479 г.[19] Во-вторых, сообщение Новгородско-Софийских летописей под 1380 г. текстологически не зависит от рассказа о сражении при Белеве: в них упоминается гибель не только князя Федора Тарусского, но и «брата его князя Мстислава», в то время как в Своде 1479 г. (в рассказе о Белеве) читается имя одного Федора Тарусского. Если и произошло смешение двух тарусских князей Федоров, то это легче допустить для более позднего памятника. Но я все-таки присоединяюсь к мнению ряда ученых, что в 1380 и 1437 гг. действовали два разных, хотя и одноименных, тарусских князя.

Обозначая летописный памятник, лежащий в основе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей для краткости как **Свод митрополита Фотия 1418 г.**, охарактеризуем, как он отразился в составе Новгородской четвертой летописи, публикуемой в настоящем томе Полного собрания русских летописей.

Новгородская четвертая летопись существует в нескольких редакциях. Старшую редакцию (доводящую изложение до 1437 г.) и младшую (доходящую до 1447 г.) определил еще А. А. Шахматов[20]. Предполагая происхождение младшей редакции Новгородской четвертой из старшей, ученый тем не менее обратил внимание, что обе редакции расходятся после 1428 г. Данное обстоятельство позволяет высказать предположение, что в основе старшей и младшей редакций Новгородской четвертой

летописи лежит свод 1428 г. Указанный летописный памятник, однако, сформировался не сразу.

Первоначальный вид Новгородской четвертой летописи сохранился в неопубликованном *Карамзинском списке:* РНБ, F.IV.603, л. 181–425 об. Особенностью его текста является двухчастное деление, содержащее две подборки: на л. 181–301 расположены статьи от начала летописи и до 1411 г., а на л. 302–425 об. записаны известия 988–1428 гг. Со времени А. А. Шахматова считалось, что Карамзинский список имеет механический обрыв под 1428 г. Но А. Г. Бобров рассмотрел, что окончание статьи 1428 г. на самом деле читается под заклейкой на обороте листа 425[21].

По поводу датировки Карамзинского списка в литературе имеются расхождения. А. А. Шахматов относил рукопись неопределенно к XVI веку[22]. Я. С. Лурье, следуя за А. Н. Насоновым, датировал список концом XV – началом XVI в.[23] Другая дата содержится в работе Г. М. Прохорова: конец XV в.[24]

Дадим уточненное описание Карамзинского списка. Сборник РНБ, F.IV.603 – в 1°, на 551 листе. Сборник составной, XVI–XVII вв. К XVI веку относятся л. 179–425; филиграни: 1) Литера Р под цветком (л. 181–411, 415–416) – Брике, № 8643 (1530–1531 гг.); 2) Голова быка под крестом, обвитым змеей (л. 179–180, 412–414, 417–425) – Пиккар, XVI, № 199 (1502–1503 гг.) Эта часть сборника датируется, таким образом, первой третью XVI в. Текст писан одной рукой, беглым полууставом. Состав данной части сборника: л. 179–180 об. – статья «А се имена всѣмъ градом руским ближним и далнимъ»; л. 181–301 – летописная подборка, начиная с Повести временных лет и кончая 1411 г.; л. 302–425 об. – летописная подборка, начинающаяся с 988 г. и доведенная до 1428 г. К XVII веку относятся писанные одним почерком листы 1–178 (Хронографическая Палея) и 426–551 (продолжение летописи по Новгородско-Псковскому своду 1547 г., а также дополнительные статьи). По водяным знакам данная часть сборника датируется 30-ми годами XVII в. Столбы с буквами АО – типа Гераклитов, № 1129 (1636–1638 гг.); Столбы с буквами PMD; столбы с буквами IC; герб Базеля – типа Гераклитов, № 84 (1638 г.).

Вопрос о происхождении летописных подборок Карамзинского списка давно вызывает споры. А. А. Шахматов считал, что обе части являются выборками из первоначальной редакции Новгородской четвертой летописи (или из Новгородской четвертой, правленной по «Своду 1448 г.»)[25]. Мнение о подборках Карамзинского списка как двух выборках из первоначальной редакции Новгородской четвертой летописи отстаивает также Я. С. Лурье[26]. Другую точку зрения развивает Г. М. Прохоров: подборки Карамзинского списка представляют независимые памятники, составленные в разное время (причем первая подборка образовалась из «Свода 1185 г.» путем постепенного присоединения новгородских известий и оборвалась в 1411 г.)[27].

Одно наблюдение Г. М. Прохорова в корне меняет взгляды на соотношение между подборками Карамзинского списка и Новгородской четвертой летописью. Исследователь обратил внимание, что начало и конец статьи 1382 г. Новгородской четвертой

летописи продублированы группой новгородских событий, составляющих целиком статью 1382 г. первой выборки Карамзинского списка (с добавлением известия о смерти отца некоего Матфея), а вклинившаяся между ними повесть о разорении Москвы Тохтамышем образует статью из второй подборки. Этот факт показывает, что две подборки Карамзинского списка являлись источниками Новгородской четвертой летописи (а не наоборот)[28]. Отсюда можно заключить, что первоначальный вид Новгородской четвертой летописи состоял из двух частей! (как теперь — Карамзинский список).

В построениях А. Г. Боброва, в целом воспринявшего концепцию Г. М. Прохорова, несколько иначе решается вопрос о происхождении первой выборки Карамзинской летописи: по мысли исследователя, это был «Свод 1411 г.», созданный в кругу новгородского архимандрита Варлаама[29]. И Г. М. Прохоров, и А. Г. Бобров настаивают на независимости первой подборки Карамзинского списка от общего протографа Софийской первой и Новгородской четвертой летописей.

Тем не менее точки зрения Г. М. Прохорова и А. Г. Боброва на происхождение подборок Карамзинского списка представляются неправильными.

Во-первых, уже тот факт, что обе подборки Карамзинского списка практически равны по объему (первая занимает 121 л., вторая — 124 л.), исключает возможность их независимого происхождения.

Во-вторых, особенности текста летописных подборок Карамзинского списка свидетельствуют о их тесном родстве и связи со Сводом митрополита Фотия 1418 г. Действительно, статьи 6415, 6449 и 6453 гг. первой подборки о походах русских князей на Константинополь построены на тех же источниках (Троицкая летопись, Новгородская первая, Хронограф), что и соответствующие статьи Еллинского летописца 2-го вида, но хронология исправлена по Ипатьевской летописи — следовательно, представляют более поздний этап сложения текста по сравнению с Еллинским летописцем 2-го вида (составленным между 1412 и 1419 гг.). Укажем, что Хронографический источник (типа Палеи), читающийся в рассмотренных статьях Еллинского летописца 2-го вида и первой подборки Карамзинской летописи, использован в последней (а также в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях) более широко: дополнительно в известиях 6376, 6384 и 6428 гг. Первую и вторую подборки Карамзинского списка сближает также использование Ипатьевской летописи: в первой подборке на основе Ипатьевской не только исправлена хронология походов русских князей на Царьград, но и составлено известие 6608 г. о закладке Мономахом церкви в Смоленске; во второй подборке Ипатьевская летопись использована в статьях 6655, 6662, 6664, 6668, 6687, 6688, 6732, 6746—6748 гг. Троицкая летопись привлекалась в первой подборке (например, в указанных статьях о походах на Константинополь), но использовалась также и во второй подборке (например, при создании повестей о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша[30]).

Таким образом, первая и вторая подборки Карамзинского списка сближаются по использованным источникам и в своей основе имеют единое происхождение. Их осно-

ва создавалась уже после составления Еллинского летописца 2-го вида и может быть отождествлена со Сводом 1418 г. Обращает внимание, что все статьи Свода 1418 г., которые атрибутируются Епифанию Премудрому (повести о Куликовской битве и о нашествии Тохтамыша, Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского, рассказы о сражении на Ворскле и преставлении тверского князя Михаила Александровича под 1399 г., поучение по поводу знамения 1402 г., рассказ о смерти митрополита Киприана под 1406 г.)[31], оказались в составе второй подборки Карамзинского списка. Все это наводит на мысль, что и сам *Свод 1418 г. уже имел двухчастную структуру* (повидимому, в зависимости от использованных источников[32] и состава редакторов-летописцев[33]). В таком случае подборки Карамзинского списка представляют новгородскую переработку Свода митрополита Фотия и их структура определялась структурой Свода 1418 г.

Свод 1428 г.[34] образовался в результате объединения подборок, представленных в Карамзинском списке, их дальнейшего редактирования и пополнения за счет новых источников. Свод 1428 г. явился основой для последующих редакций Новгородской четвертой летописи. Составителем Свода 1428 г. следует признать Матфея Михайлова, который, со времен А. А. Шахматова, идентифицируется с Матвеем Кусовым, уставщиком Софийского двора. Семейные записи Матфея Михайлова читаются под 1375 г. (рождение), 1382 г. (смерть отца), 1405 г. (смерть супруги), 1406 г. (новый брак), 1411 г. (рождение сына). По характеру расположения записей (особенно 1382 и 1411 гг.)[35] можно догадаться, что они писались на полях первой части Карамзинской летописи (естественно, в ее протографе).

Старшая редакция Новгородской четвертой летописи образовалась путем добавления к Своду 1428 г. статей 1429—1437 гг., заимствованных из новгородской владычной летописи. Заметно также использование общерусского источника (Смоленского?) в статьях 1429 г. (о взятии татарами Костромы и Галича), 1430 г. (Троцкое озеро стояло «кроваво», Витовт «княжил 38 лет»), 1431 г. (митрополит Фотий «родом гречин», правил 21 год; усобицы в Литве). Сведения такого рода могли быть записаны после 1434 г., когда Евфимий II ездил в Смоленск ставиться во владыки.

Старшая редакция Новгородской четвертой летописи представлена двумя списками:

Новороссийский список: БАН, собр. текущих поступлений, № 1107. Рукопись в 1^0, на 339 листах, текст писан полууставом в два столбца. На л. 6 об.—337 об. помещен текст Новгородской четвертой летописи, начиная с Повести временных лет и кончая статьей 1437 г. Вслед за окончанием летописи почерком писца сделана запись: «Господи, помози рабу Божию Григорью Васильевичю на многа лѣта». Филиграни: 1) Буква У под крестом (л. 3, 7—79, 116—262, 265—268, 271—387) — типа Брике, № 9183 (1472—1476 гг.); 2) Буква Р под цветком (л. 5) — Брике, № 8688 (1473—1477 гг.); 3) Кувшин с одной ручкой (л. 6, 108—115, 163—264, 269—270) — Брике, № 12476 (1466—1483, 1496 гг.); 4) Цветок (л. 80—107) — Лихачев, № 1165 (1477 г.). Таким образом, рукопись датируется 70-ми годами XV в.

Голицынский список: РНБ, Q.XVII.62. Рукопись в 4°, на 380 + 17 (чистых) листах. На внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис «Ex Bibliotheca Arcangelina», т. е. рукопись происходит из Архангельской библиотеки князя Д. М. Голицына[36]. Впереди на чистом листе значится № 600, к которому рукой А. Д. Голицына (сына Д. М. Голицына) приписано – «старой», а еще ниже: «1755 году № 509». На л. 19–369 об. содержится текст Новгородской четвертой летописи старшей редакции, начиная со слов «Припеть, Двина, Волховъ, Волга...» и кончая статьей 1437 г. Филиграни этой части рукописи: 1) Голова быка (л. 19–128, 153–160, 177–184, 217–248, 257–271, 283–376) – Пиккар, I, № 202 (1514 г.); 2) Голова быка под крестом, обвитым змеей (л. 129–152) – тождественная филигрань в справочнике Н. П. Лихачева под № 3340 (1515 г.); 3) часть филиграни в виде крестика (л. 161–176, 185–208); 4) Тиара (л. 209–216, 249–256, 272–282) – типа Брике, № 4925 (1505–1524 гг.). Текст на л. 2–18 об. (ряд дополнительных статей) и л. 369 об.–380 (продолжение летописи, охватывающее 1438–1516 гг.) писан особым почерком на бумаге с филигранью: Голова быка под крестом, увенчанным цветком (л. 2–18, 377–380) – Пиккар, XI, № 307 (1513–1516 гг.). Обе части рукописи, следовательно, одного времени и близки к 1516 г., до которого доведено изложение событий в летописи. Позднее (но в XVI веке) другим почерком сделана приписка: «В лѣто 7026. Былъ король в Полотцке, а Острожской былъ под Опочкою со многими силами и много под градом быша».

Младшая редакция Новгородской четвертой летописи доведена до 1447 г. и произошла, кажется, непосредственно из Свода 1428 г., а не из старшей редакции (так как известия общерусского источника в статьях 1429–1431 гг. отсутствуют). Редакция представлена следующими списками:

Фроловский список: РНБ, F.IV.235. Рукопись 70–80-х годов XV в., описана в Предисловии к изданию 1915 г. Летописный текст доведен до 1447 г.

Строевский список: РНБ, собр. М. П. Погодина, № 2035. Рукопись последней четверти XV в., описана в Предисловии к изданию 1915 г. Летописный текст доведен до 1476 г.

Толстовский список: РНБ, Q.IV.138. Рукопись конца XV в., описана в Предисловии к изданию 1915 г. Содержит фрагмент летописи за 1382–1418 гг. Кодекс ранее принадлежал князю Д. М. Голицыну.

Академический список: БАН, 16.3.2. Рукопись первой трети XVI в. (с прибавлениями последней четверти XVII в.), описана в Предисловии к изданию 1915 г. Текст начинается со статьи 913 г. и доведен до 1515 г.

Синодальный список: ГИМ, Синодальное собр., № 152. Рукопись 1544 г., описана в Предисловии к изданию 1915 г. В XVI веке принадлежала Троице-Сергиеву монастырю. Летописный текст доведен до 1476 г.

Музейский список: ГИМ, Музейское собр., № 2060. Рукопись в 4°, на 557 листах. Текст на л. 22–310 писан беглым полууставом середины XVI в. Филиграни этой части: 1) Рука под звездой – типа Брике, № 11218 (1533 г.); 2) Кувшинчик с одной ручкой и

лилией, под розеткой – Брике, № 12759 (1537–1544 гг.); 3) Козел – типа Брике, № 2857 (относится к группе знаков, датируемых 1532–1548 гг.); 4) Сфера с пояском под цветком – близких аналогий не найдено. Рукопись, таким образом, датируется серединой XVI в. Листы 1–21, 311–557 чистые, бумага с филигранями: 1) Голова шута с 7 бубенцами и буквами IP – Лауцявичюс, 1967, № 2647 (1686 г.); 2) Голова шута с 5 бубенцами и надписью MORIN – в справочниках не отыскивается; 3) Голова шута с 7 бубенцами и буквами НС – Дианова, № 547 (1681–1682 гг.). Следовательно, чистая бумага приплетена к рукописи в конце XVII в.

На полях Музейского списка одним и тем же почерком XVII в. сделаны следующие записи: на л. 222 об.–223 (вписана статья «Сказание о Наиле, жене Сисаря»), 234 об. (помета «Лѣта 7000»), 239 (помета «О преставленья рускаго князя Дмитрея писано вкрат...»), 246 об.–254 об. (статья «Слово о граде Вавилоне»), 255 об.–256 (статья «Сказание о четырех царствах»), 267 об. (известие о нападении литовцев на Старую Русу в 1581 г.), 268 (известие о смерти царя Федора Ивановича в 1598 г.), 275 (обрезана помета на нижнем поле), 310 (известие о небесном знамении в 1621 г.). Той же рукой на нижнем поле л. 310 об. написано слово «Лѣта», но другим почерком продолжено: «7202-го июлия в 3 день продал сию книгу» (последующих листов не сохранилось). На л. 22 имеется запись XVII или XVIII в. : «В сей книге двестѣ девяносто один лист». Следовательно, в рукописи XVI в. утерян один лист. На обороте верхней крышки переплета владельческая запись XVIII в. : «Сия книга Микифора Талмачева».

Текст на л. 22–310 об. представляет собой русский летописец. В научной литературе отмечалось сходство его с Новгородской четвертой летописью по Академическому списку[37] и списку Дубровского[38]. На самом деле, Музейский список сближается в первую очередь с Голицынским списком, повторяя как его конструкцию (текст до 1437 г. представляет старшую редакцию Новгородской четвертой летописи, а последующий – сокращенную московскую летопись с новгородскими вставками), так и частные текстологические особенности. Но Голицынский список доводит изложение до 1516 г., а Музейский продолжает его, передавая краткую общерусскую летопись, обрывающуюся (за утерей листа) на статье 7043 г.

Новгородская четвертая летопись в Музейском списке значительно сокращена, но вместе с тем и пополнена различными литературными произведениями: на л. 89–92, 178 об.–179 здесь читаются фрагменты повести о разделении вселенной Августом, на л. 215–224 помещена Задонщина, на л. 258–259 об. – статья «О Цареграде», на л. 273 об.–301 об. – повесть о взятии Царырада турками, на л. 301 об.–302 об. – «Сказание о градех новые имена».

Б. М. Клосс
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН
12 октября 2000 г.

Примечания

[1] В первом издании Софийской первой летописи (ПСРЛ. Т. 5,6. СПб., 1851–1853) в основу был положен Толстовский список младшего извода, но публикация весьма несовершенна. Современное издание Софийской первой летописи: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода; ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 151–160.

[3] Там же. С. 153–154.

[4] А. А. Шахматов. 1864–1920: Сборник статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 135. В последнее время Я. С. Лурье предпринял неудачную попытку реанимировать идею «Свода 1448 г.»: *Лурье Я. С.* К проблеме свода 1448 г. // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969. С. 142–146; *Он же.* Общерусский свод – протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 114–139; *Он же.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 107–121.

В конце концов исследователь вернулся к идее А. А. Шахматова о Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. : *Лурье Я. С.* Феодальная война в Москве и летописание первой половины XV в. // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 82–94.

[5] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 260–274.

[6] *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 246–255.

[7] Этот ответственный вывод принадлежит Я. С. Лурье, см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 70–71.

[8] *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993. С. 7–11.

[9] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 57–62 (датировка принадлежит Л. В. Черепнину).

[10] *Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 371–372.

[11] *Клосс Б. М.* К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 370–379.

[12] Там же. С. 376: последним в перечне византийских императоров указан Мануил Палеолог (1391–1425 гг.).

[13] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 254–255.

[14] Там же. С. 117–119.

[15] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 56.

[16] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. С. 110–124.

[17] Там же. С. 97.

[18] Естественно, 1418–1419 гг. датируется конечный этап работы над летописным сводом, полный же объем работ укладывается в отрезок между 1412 и 1419 гг.

[19] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 260. Имя Федора Тарусского читается также в Вологодско-Пермской летописи, но в основе Вологодско-Пермской летописи лежит компиляция еще более поздняя – конца XV в.

[20] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 182–188.

[21] *Бобров А. Г.* Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 122–123.

[22] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 189.

[23] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 207.

[24] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 166.

[25] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 189–195.

[26] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 207–213; *Он же.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199–218; *Он же.* Летопись Новгородская Карамзинская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 54–55.

[27] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания. С. 165–198; *Он же.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов: (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. Т. 51. С. 137–205.

[28] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания. С. 184–185.

[29] *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. С. 3–20; *Он же.* Редакции Новгородской четвертой летописи. С. 107–136.

[30] Вывод М. А. Салминой.

[31] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. С. 110–124.

[32] К примеру, источник типа Московско-Академической летописи привлекался только в статьях второй подборки Карамзинского списка.

[33] Статьи, созданные Епифанием Премудрым, оказались также лишь в составе второй подборки Карамзинского списка.

[34] В отдельных списках не представлен.

[35] Переписчик по ошибке продублировал запись 1382 г. вместе с сообщениями первой подборки Карамзинского списка; 1411 годом заканчивалась также первая подборка Карамзинского списка.

[36] О рукописях Д. М. Голицына см.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 238–253; Они же. О рукописях библиотеки Д. М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 179–190.

[37] *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955. С. 257–258.

[38] *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 106.